

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Н.В. ГОГОЛЯ

Жизнь писателя так обширна и многогранна, что ученые-историки до сих пор исследуют биографию и эпистолярные материалы великого писателя, а документалисты снимают фильмы, которые рассказывают о тайнах загадочного гения литературы.

Никола́й Васи́льевич Го́голь (фамилия при рождении **Яно́вский**, с 1821 — **Го́голь-Яно́вский**; 20 марта [1 апреля] 1809, Сорочинцы, Миргородский уезд, Полтавская губерния - 21 февраля [4 марта] 1852, Москва) — русский прозаик, драматург, поэт, критик, публицист, признанный одним из классиков русской литературы. Происходил из старинного дворянского рода Гоголей-Яновских.

Детство и юность

Николай Васильевич Гоголь родился 20 марта (1 апреля) 1809 года в Сорочинцах близ реки Псёл, на границе Полтавского и Миргородского уездов (Полтавская губерния). Николаем его назвали в честь Святителя Николая.

Согласно семейному преданию, он происходил из старинного украинского казацкого рода и предположительно был потомком Остапа Гоголя — гетмана Правобережного Войска Запорожского Речи Посполитой.

Отец писателя, Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский (1777—1825), умер, когда сыну было 16 лет. Полагают, что сценическая деятельность отца, который был замечательным рассказчиком и писал пьесы для домашнего театра, определила интересы будущего писателя — у Гоголя рано проявился интерес к театру. Мать Гоголя, Мария Ивановна (1791—1868), рожд. Косяровская, была выдана замуж в возрасте четырнадцати лет в 1805 году. Жених был вдвое старше неё.

Помимо Николая в семье было ещё одиннадцать детей. Гоголь был третьим ребёнком.

Жизнь в деревне до школы и после, в каникулы, шла в полнейшей обстановке малороссийского быта, как панского, так и крестьянского. Впоследствии эти впечатления легли в основу малороссийских повестей Гоголя, послужили причиной его исторических и этнографических интересов; позднее из Петербурга Гоголь постоянно обращался к матери, когда ему требовались новые бытовые подробности для его повестей. Влиянию матери приписывают задатки той религиозности и того мистицизма, которые к концу жизни овладели всем существом Гоголя.

В возрасте десяти лет Гоголя отвезли в Полтаву к одному из местных учителей, для подготовки к обучению в местной гимназии; затем он поступил в Гимназию высших наук в Нежине (с мая 1821 по июнь 1828). Гоголь не был прилежным учеником, но обладал прекрасной памятью, за несколько дней готовился к экзаменам и переходил из класса в класс; он был очень слаб в языках и делал успехи только в рисовании и русской словесности.

Недостатки школы восполнялись самообразованием в кружке товарищей, где нашлись люди, разделявшие с Гоголем литературные интересы (Герасим Высоцкий, по-видимому, имевший тогда на него немалое влияние; Александр Данилевский, оставшийся его другом на всю жизнь, как и Николай Прокопович; Нестор Кукольник, с которым, впрочем, Гоголь никогда не сходилась).

Товарищи выписывали в складчину журналы; затеяли свой рукописный журнал, где Гоголь много писал в стихах. В то время он писал элегические стихотворения, трагедии, историческую поэму и повесть, а также сатиру «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан».

С литературными интересами развилась и любовь к театру, где Гоголь, уже тогда отличавшийся необычным комизмом, был самым ревностным участником (ещё со второго года пребывания в Нежине).

Смерть отца была тяжёлым ударом для всей семьи. Заботы о делах ложатся и на Гоголя; он даёт советы, успокаивает мать, должен думать о будущем устройстве своих собственных дел. Мать боготворит своего сына Николая, считает его гениальным, она отдаёт ему последнее из своих скудных средств для обеспечения его нежинской, а впоследствии петербургской жизни. Николай Васильевич всю жизнь платил ей горячей сыновней любовью, однако полного понимания и доверительных отношений между ними не существовало. Позднее он откажется от своей доли в общем семейном наследстве в пользу сестёр, чтобы целиком посвятить себя литературе.

К концу пребывания в гимназии он мечтает о широкой общественной деятельности, которая, однако, видится ему вовсе не на литературном поприще; без сомнения под влиянием всего окружающего, он думает выдвинуться и приносить пользу обществу на службе, к которой на деле он был не способен. Таким образом, планы будущего были неясны; но Гоголь был уверен, что ему предстоит широкое поприще; он говорит уже об указаниях провидения и не может удовлетвориться тем, чем довольствуются простые обыватели, по его выражению, какими было большинство его нежинских товарищей.

Санкт-Петербург

В декабре 1828 года Гоголь переехал в Санкт-Петербург.

Здесь впервые ждало его жестокое разочарование: скромные средства оказались в большом городе совершенно недостаточными, а блестящие надежды не осуществлялись так скоро, как он ожидал. Его письма домой того времени смешаны из этого разочарования и туманного упования на лучшее будущее. В запасе у него были сила характера и практическая предприимчивость: он пробовал поступить на сцену, стать чиновником, посвятить себя литературе.

Несмотря на его многочисленные попытки, в актёры его так и не приняли.

В конце 1829 года Гоголь поступил помощником столоначальника 1-го стола 2-го отделения департамента уделов Министерства уделов, при этом был пожалован самым младшим чином по Табели о рангах — коллежского регистратора; прослужил полтора года. Чиновником он был плохим. Служба его была настолько бессодержательна и монотонна, что стала ему невыносима. Тем не менее, из своего опыта службы Гоголь почерпнул материал для своих петербургских повестей.

Литературное поприще стало единственной возможностью его самовыражения. Он издал под псевдонимом «В. Алов» романтическую идиллию «Ганц Кюхельгартен» (1829), которая была написана ещё в Нежине (он сам отметил её 1827 годом) и герою которому приданы те идеальные мечты и стремления, какими он был исполнен в последние годы нежинской жизни. Вскоре по выходе книжки в свет он сам уничтожил её тираж, когда критика отнеслась неблагоприятно к его произведению.

В беспокойном искании жизненного дела Гоголь в это время отправился за границу, морем в Любек, но через месяц вернулся опять в Петербург (сентябрь 1829).

В 1830 году завязываются первые литературные знакомства: Орест Сомов, барон Дельвиг, Пётр Плетнёв. В 1831 году происходит сближение с кругом В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, что оказало решительное влияние на его дальнейшую судьбу и на его литературную деятельность.

Неудача с «Ганцем Кюхельгартемом» была ошутимым указанием на необходимость другого литературного пути; но ещё раньше, с первых месяцев 1829 года, Гоголь осаждал мать просьбами о присылке ему сведений об малорусских обычаях, преданиях, костюмах, а также о присылке «записок, ведённых предками какой-нибудь старинной фамилии, рукописей стародавних» и пр. Всё это был материал для будущих рассказов из малорусского быта и преданий, которые стали началом его литературной славы. Он уже принимал некоторое участие в изданиях того времени: в начале 1830 года в «Отечественных записках» был напечатан (с правками редакции) «Вечер накануне Ивана Купала»; в то же время (1829) были начаты и написаны «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь».

Другие сочинения Гоголь печатал тогда в изданиях барона Дельвига «Литературная газета» и «Северные цветы», где была помещена глава из исторического романа «Гетьман». Дельвиг рекомендовал его Жуковскому, который принял Гоголя с большим радушием.

Жуковский обратился к Плетнёву с просьбой его пристроить, и действительно, в феврале 1831 года Плетнёв рекомендовал Гоголя на должность учителя в Патриотическом институте, где сам был инспектором. Узнав ближе Гоголя, Плетнёв ждал случая «подвести его под благословение Пушкина»: это случилось в мае того же года. Личность Пушкина произвела на Николая Васильевича чрезвычайное впечатление и навсегда осталась для него предметом поклонения. Вступление Гоголя в этот круг, вскоре оценивший в нём великий зарождающийся талант, оказало на судьбу Гоголя огромное влияние. Перед ним открывалась, наконец, перспектива широкой деятельности, о которой он мечтал, — но на поприще не служебном, а литературном.

В 1834 году его назначили на должность адъюнкта по кафедре истории в Петербургском университете. Он вошёл в круг лиц, стоявших во главе русской художественной литературы: его давние поэтические стремления могли развиваться во всей широте, инстинктивное понимание искусства могло стать глубоким сознанием. Служение искусству становилось для него высоким и строгим нравственным долгом, требования которого он старался исполнять свято.

Отсюда, между прочим, и его медлительная манера работы, долгое определение и выработка плана и всех подробностей. Общество людей с широким литературным образованием вообще было полезно для юноши со скудными познаниями, вынесенными из школы: его наблюдательность становится глубже, и с каждым новым произведением его творческий уровень достигает новых высот. Горизонт его жизненных наблюдений расширялся, давнишние стремления получали почву, и высокое понятие Гоголя о своём предназначении становилось предельным самоощущением: с одной стороны, его настроение становилось возвышенно идеалистичным, с другой, возникли и предпосылки для религиозных исканий, какими отмечены последние годы его жизни.

Эта пора была самою деятельной эпохой его творчества. После небольших трудов, выше частью названных, его первым крупным литературным делом, положившим начало его славе, были «Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасичником Рудым Паньком», вышедшие в Петербурге в 1831 и 1832 годах, двумя частями (в первой были помещены «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская

ночь, или утопленница», «Пропавшая грамота»; во второй — «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть, старинная быль», «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка», «Заколдованное место»).

Эти рассказы, изображавшие невиданным прежде образом картины украинского быта, блиставшие весёлостью и тонким юмором, произвели большое впечатление на Пушкина. Следующими сборниками были сначала «Арабески», потом «Миргород», оба вышедшие в 1835 году и составленные частично из статей, опубликованных в 1830—1834 годах, а частично из новых произведений, публиковавшихся впервые. Вот когда литературная слава Гоголя стала бесспорной.

Он вырос в глазах и его ближайшего круга, и вообще молодого литературного поколения. Тем временем в жизни Гоголя происходили события, различным образом влиявшие на внутренний склад его мыслей и фантазий и на его внешние дела.

В 1832 году он впервые был на родине после окончания курса в Нежине. Путь лежал через Москву, где он познакомился с людьми, которые стали потом его более или менее близкими друзьями: с Михаилом Погодиным, Михаилом Максимовичем, Михаилом Щепкиным, Сергеем Аксаковым.

Пребывание дома сначала окружало его впечатлениями родной любимой обстановки, воспоминаниями прошлого, но затем и тяжёлыми разочарованиями. Домашние дела были расстроены; сам Гоголь уже не был восторженным юношей, каким оставил родину: жизненный опыт научил его вглядываться глубже в действительность и за её внешней оболочкой видеть её часто печальную, даже трагическую основу. Вскоре его «Вечера» стали казаться ему поверхностным юношеским опытом, плодом той «молодости, во время которой не приходят на ум никакие вопросы».

Вернувшись в Петербург, Гоголь усиленно работал над своими произведениями: это была вообще самая активная пора его творческой деятельности; он продолжал, вместе с тем, строить жизненные планы.

В 1833 году он усиленно работает, и результатом этих годов были два упомянутых сборника. Сначала вышли «Арабески» (две части, СПб., 1835), где было помещено несколько статей популярно-научного содержания по истории и искусству («Скульптура, живопись и музыка»; «Несколько слов о Пушкине»; «Об архитектуре»; «О преподавании всеобщей истории»; «Взгляд на составление Малороссии»; «О малороссийских песнях» и пр.), но вместе с тем и новые повести «Портрет», «Невский проспект» и «Записки сумасшедшего».

Потом в том же году вышел «Миргород» — повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (две части, СПб., 1835). Здесь помещён был целый ряд произведений, в которых раскрывались новые поразительные черты таланта Гоголя. В первой части «Миргорода» появились «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба»; во второй — «Вий» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Впоследствии (1842) «Тарас Бульба» был полностью переработан Гоголем. Будучи профессиональным историком, Гоголь использовал фактические материалы для построения сюжета и разработки характерных персонажей романа. События, лёгшие в основу романа — крестьянско-казацкие восстания 1637 — 1638 годов, предводительствуемые Гуней и Острянином. По всей видимости, писатель использовал дневники польского очевидца этих событий — войскового капеллана Симона Окольского.

К началу тридцатых годов относятся замыслы и некоторых других произведений Гоголя, таких как знаменитая «Шинель», «Коляска», может быть, «Портрет» в его переделанной редакции; эти произведения явились в «Современнике» Пушкина (1836) и Плетнёва (1842) и в первом собрании сочинений (1842); к более позднему пребыванию в Италии относится «Рим» в «Москвитянине» Погодина (1842).

С конца 1833 года он увлёкся мыслью столь же несбыточной, сколь несбыточными были его прежние планы относительно службы: ему казалось, что он может выступить на учёном поприще. В то время готовилось открытие Киевского университета, и он мечтал занять там кафедру истории, где сам он думал написать нечто небывалое по всеобщей истории.

Однако оказалось, что кафедра истории была отдана другому лицу; но зато вскоре, благодаря влиянию его высоких литературных друзей, ему предложена была такая же кафедра в Петербургском университете. Он действительно занял эту кафедру; несколько раз ему удалось прочесть эффектную лекцию, но затем задача оказалась ему не по силам, и он сам отказался от профессуры в 1835 году. В 1834 году он написал несколько статей по истории западного и восточного средневековья.

К 1834 году относят и первый замысел «Ревизора». Сохранившиеся рукописи Гоголя указывают, что он работал над своими произведениями чрезвычайно тщательно: по тому, что уцелело из этих рукописей, видно, как произведение в его известной нам, законченной форме выросло постепенно из первоначального очерка, все более осложняясь подробностями и достигая, наконец, той удивительной художественной полноты и жизненности, с какими мы знаем их по завершении процесса, тянувшегося иногда целые годы.

Основной сюжет «Ревизора», как позднее и сюжет «Мёртвых душ», был сообщён Гоголю Пушкиным. Всё создание, начиная от плана и до последних частных деталей, было плодом собственного творчества Гоголя: анекдот, который мог быть рассказан в нескольких строках, превращался в богатое художественное произведение.

«Ревизор» вызвал бесконечную работу определения плана и деталей исполнения; существует целый ряд набросков, в целом и частями, и первая печатная форма комедии явилась в 1836 году. Старая страсть к театру

овладела Гоголем в чрезвычайной степени: комедия не выходила у него из головы; его томительно увлекала мысль стать лицом к лицу с обществом; он с величайшей заботливостью старался, чтобы пьеса была исполнена в соответствии с его собственной идеей о характерах и действии; постановка встречала разнообразные препятствия, в том числе цензурные, и наконец могла осуществиться только по воле императора Николая.

«Ревизор» имел необычайное действие: ничего подобного не видела русская сцена; действительность русской жизни была передана с такою силой и правдой, что хотя, как говорил сам Гоголь, дело шло только о шести провинциальных чиновниках, оказавшихся плутами, на него восстало всё то общество, которое почувствовало, что дело идёт о целом принципе, о целом порядке жизни, в котором и само оно пребывает.

Но, с другой стороны, комедия встречена была с величайшим энтузиазмом теми элементами общества, которые сознавали существование этих недостатков и необходимость их преодоления, и в особенности молодым литературным поколением, увидевшим здесь ещё раз, как в прежних произведениях любимого писателя, целое откровение, новый, возникающий период русского художества и русской общественности. Таким образом, «Ревизор» расколол общественное мнение. Если для консервативно-бюрократической части общества пьеса казалась демаршем, то для ищущих и свободомыслящих поклонников Гоголя это был определённый манифест.

Самого Гоголя интересовал, в первую очередь, литературный аспект, в общественном плане он стоял вполне на точке зрения своих друзей Пушкинского круга, хотел только больше честности и правды в данном порядке вещей, и потому-то его особенно поразил тот разноголосый шум непонимания, который поднялся вокруг его пьесы. Впоследствии, в «Театральном разъезде после представления новой комедии», он, с одной стороны, передал то впечатление, какое произвёл «Ревизор» в различных слоях общества, а с другой — высказал свои собственные мысли о великом значении театра и художественной правды.

Первые драматические планы явились Гоголю ещё раньше «Ревизора». В 1833 году он поглощён был комедией «Владимир 3-й степени»; она не была им докончена, но материал её послужил для нескольких драматических эпизодов, как «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывок». Первая из этих пьес явилась в «Современнике» Пушкина (1836), остальные — в первом собрании его сочинений (1842).

В том же собрании явились в первый раз «Женитьба», наброски которой относятся к тому же 1833 году, и «Игроки», задуманные в половине 1830-х годов. Утомлённый творческим напряжением последних лет и нравственными тревогами, каких стоил ему «Ревизор», Гоголь решил отдохнуть от работы, уехав в путешествие за границу.

Жизнь в Европе

В июне 1836 года Николай Васильевич уехал за границу, где пробыл с перерывами около десяти лет. Сначала жизнь за рубежом как будто укрепила и успокоила его, дала ему возможность завершить его величайшее произведение — «Мёртвые души», но стала зародышем и глубоко фатальных явлений. Опыт работы с этой книгой, противоречивая реакция современников на неё так же, как в случае с «Ревизором», убедили его в огромном влиянии и неоднозначной власти его таланта над умами современников. Эта мысль постепенно стала складываться в представление о своём пророческом предназначении, и соответственно, об употреблении своего пророческого дара силой своего таланта на благо обществу, а не во вред ему.

В марте 1837 года он был в Риме, который чрезвычайно ему понравился и стал для него как бы второй родиной. Европейская политическая и общественная жизнь всегда оставалась чужда и совсем незнакома Гоголю; его привлекала природа и произведения искусства, а Рим в то время представлял именно эти интересы. Гоголь изучал памятники древности, картинные галереи, посещал мастерские художников, любовался народной жизнью и любил показывать Рим, «угощать» им приезжих русских знакомых и приятелей.

Но в Риме он и усиленно работал: главным предметом этой работы были «Мёртвые души», задуманные ещё в Петербурге в 1835 году; здесь же, в Риме закончил он «Шинель», писал повесть «Анунциата», переделанную потом в «Рим», писал трагедию из быта запорожцев, которую, впрочем, после нескольких переделок уничтожил.

Устроив свои дела, Гоголь опять отправился за границу, в любимый Рим; друзьям он обещал вернуться через год и привезти готовый первый том «Мёртвых душ». К лету 1841 года первый том был готов. В сентябре этого года Гоголь отправился в Россию печатать свою книгу.

Ему снова пришлось пережить тяжёлые тревоги, какие испытал он некогда при постановке на сцене «Ревизора». Книга была представлена сначала в московскую цензуру, которая собиралась совсем запретить её; затем книга отдана в цензуру петербургскую и благодаря участию влиятельных друзей Гоголя была, с некоторыми исключениями, дозволена. Она вышла в свет в Москве («Похождения Чичикова или Мёртвые души, поэма Н. Гоголь», М., 1842).

В июне Гоголь опять уехал за границу. Это последнее пребывание за границей стало окончательным переломом в душевном состоянии Гоголя. Он жил то в Риме, то в Германии, во Франкфурте, Дюссельдорфе, то в Ницце, то в Париже, то в Остенде, часто в окружении своих ближайших друзей — Жуковского,

Смирновой, Виельгорских, Толстых, и в нём всё сильнее развивалось то религиозно-пророческое направление, о котором упомянуто выше.

Высокое представление о своём таланте и лежащей на нём обязанности привело его к убеждению, что он творит нечто провиденциальное: для того, чтобы обличать людские пороки и широко смотреть на жизнь, надо стремиться к внутреннему совершенствованию, которое даётся только богомыслием. Несколько раз он перенёс тяжёлые болезни, которые ещё больше увеличивали его религиозное настроение; в своём кругу он находил удобную почву для развития религиозной экзальтации — он принимал пророческий тон, самоуверенно делал наставления своим друзьям и в конце концов приходил к убеждению, что сделанное им до сих пор было недостойно той высокой цели, к которой он считал себя призванным. Если прежде он говорил, что первый том его поэмы «Мёртвые души» есть не больше, как крыльцо к тому дворцу, который в нём строится, то в это время он готов был отвергать всё им написанное, как греховное и недостойное его высокого предназначения.

Работа над продолжением «Мёртвых душ» не клеилась, и писатель испытывал мучительные сомнения в том, что ему удастся довести задуманное произведение до конца. Летом 1845 года его настигает мучительный душевный кризис. Он пишет завещание, сжигает рукопись второго тома «Мёртвых душ». В ознаменование избавления от смерти Гоголь решает уйти в монастырь и стать монахом, но монашество не состоялось. Зато его уму представилось новое содержание книги, просветлённое и очищенное; ему казалось, что он понял, как надо писать, чтобы «устремить всё общество к прекрасному». Он решает служить Богу на поприще литературы. Началась новая работа, а тем временем его заняла другая мысль: ему скорее хотелось сказать обществу то, что он считал для него полезным, и он решает собрать в одну книгу всё писанное им в последние годы к друзьям в духе своего нового настроения и поручает издать эту книгу Плетнёву. Это были «Выбранные места из переписки с друзьями» (СПб., 1847).

Большая часть писем, составляющих эту книгу, относится к 1845 и 1846 годам, той поре, когда религиозное настроение Гоголя достигло своего высшего пика. 1840-е годы — пора формирования и размежевания двух различных идеологий в современном ему русском образованном обществе. Гоголь остался чужд этому размежеванию несмотря на то, что каждая из двух враждующих партий — западников и славянофилов, предъявляла на Гоголя свои законные права. Книга произвела тяжёлое впечатление и на тех, и на других, поскольку Гоголь мыслил совершенно в иных категориях. Даже друзья-Аксаковы отвернулись от него. Гоголь своим тоном пророчества и назидания, проповедью смирения, из-за которой виднелось, однако, собственное самомнение; осуждениями прежних трудов, полным одобрением существующих общественных порядков явно диссонировал тем идеологам, кто уповал лишь на социальное переустройство общества. Гоголь, не отвергая целесообразности социального переустройства, основную цель видел в духовном самосовершенствовании. Поэтому на долгие годы предметом его изучения становятся труды отцов Церкви. Но, не примкнув ни к западникам, ни к славянофилам, Гоголь остановился на полпути, не примкнув целиком и к духовной литературе — Серафиму Саровскому, Игнатию (Брянчанинову) и др.

Гоголь мучительно переживал провал своей книги. Лишь А. О. Смирнова и П. А. Плетнёв смогли поддержать его в эту минуту, но то были лишь частные эпистолярные мнения. Нападения на неё он объяснял отчасти и своей ошибкой, преувеличением назидательного тона, и тем, что цензура не пропустила в книге нескольких важных писем; но нападения прежних литературных приверженцев он мог объяснить только расчётами политических движений и самолюбий. Общественный смысл этой полемики был ему чужд.

В подобном смысле были им тогда написаны «Предисловие ко второму изданию Мертвых Душ»; «Развязка Ревизора», где свободному художественному созданию он хотел придать характер нравоучительной аллегории, и «Предупреждение», где объявлялось, что четвёртое и пятое издание «Ревизора» будут продаваться в пользу бедных.

В его письмах с 1847 года уже нет прежнего высокомерного тона проповедничества и назидания; он увидел, что описывать русскую жизнь можно только посреди неё и изучая её. Убежищем его осталось религиозное чувство: он решил, что не может продолжать работы, не исполнив давнишнего намерения поклониться Святому Гробу. В конце 1847 года он переехал в Неаполь, и в начале 1848 года отплыл в Палестину, откуда через Константинополь и Одессу вернулся окончательно в Россию.

Пребывание в Иерусалиме не произвело того действия, какого он ожидал. «Ещё никогда не был я так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима, — говорит он. — У Гроба Господня я был как будто затем, чтобы там на месте почувствовать, как много во мне холода сердечного, как много себялюбия и самолюбия».

Свои впечатления от Палестины Гоголь называет сонными; застигнутый однажды дождём в Назарете, он думал, что просто сидит в России на станции.

Последние годы писателя

Он пробыл конец весны и лето 1848 года в деревне у матери, а 1 (13) сентября переехал в Москву; лето 1850 года прожил опять в своей семье; потом жил некоторое время в Одессе, был ещё раз дома, а с осени 1851 года

поселился в Москве, где жил в доме своего друга графа Александра Петровича Толстого (№ 7 на Никитском бульваре), в 1972 в этом здании был открыт мемориальный музей писателя.

Он продолжал работать над вторым томом «Мёртвых душ» и читал отрывки из него у Аксаковых, но в нём продолжалась та же мучительная борьба между художником и христианином, которая шла в нём с начала сороковых годов. По своему обыкновению, он много раз переделывал написанное, вероятно, поддаваясь то одному, то другому настроению. Между тем его здоровье всё более слабело; в 1852 года он бросил литературные занятия,

С конца января 1852 года в доме графа Александра Толстого гостил ржевский протоиерей Матфей Константиновский, с которым Гоголь познакомился в 1849 году, а до того был знаком по переписке. Между ними происходили сложные, подчас резкие беседы, основным содержанием которых было недостаточное смирение и благочестие Гоголя, например, требование отца Матфея: «Отрекись от Пушкина». Гоголь предложил ему прочесть беловой вариант второй части «Мёртвых душ» для ознакомления — с тем, чтобы выслушать его мнение, но получил отказ священника. Гоголь настаивал на своём, пока тот не взял тетради с рукописью для прочтения. Протоиерей Матфей стал единственным прижизненным читателем рукописи 2-й части. Возвращая её автору, он высказался против опубликования ряда глав, «даже просил уничтожить» их (ранее, он также давал отрицательный отзыв на «Выбранные места ...», назвав книгу «вредной»).

Все эти причины убедили Гоголя отказаться от творчества и начать говеть за неделю до Великого поста. 5 февраля он провожает Константиновского и с того дня почти ничего не ест. 10 февраля он вручил графу А. Толстому портфель с рукописями для передачи митрополиту Московскому Филарету, но граф отказался от этого поручения, чтобы не усугубить Гоголя в мрачных мыслях.

Гоголь перестаёт выезжать из дому. В 3 часа ночи с понедельника на вторник 11—12 февраля 1852 года, то есть в великое повечерие понедельника первой седмицы Великого поста, Гоголь разбудил слугу Семёна, велел ему открыть печные задвижки и принести из шкафа портфель. Вынув из него связку тетрадей, Гоголь положил их в камин и сжёг. Наутро он рассказал графу Толстому, что хотел сжечь только некоторые вещи, заранее на то приготовленные, а сжёг всё под влиянием злого духа. Гоголь, несмотря на увещевания друзей, продолжал строго соблюдать пост; 18 февраля слёг в постель и совсем перестал есть. Всё это время друзья и врачи пытаются помочь писателю, но он отказывается от помощи, внутренне готовясь к смерти.

20 февраля врачебный консилиум решается на принудительное лечение Гоголя. Результатом его явилось окончательное истощение и утрата сил; вечером того же дня писатель впал в беспамятство.

Николай Васильевич Гоголь скончался утром в четверг 21 февраля (4 марта) 1852 года, не дожив месяца до своего 43-летия.

Писатель был отпет в университетской церкви мученицы Татианы. Похороны проходили в воскресный полдень 24 февраля (7 марта) 1852 года на кладбище Данилова монастыря в Москве.

В 1930 году Данилов монастырь был окончательно закрыт, а некрополь вскоре ликвидирован. 31 мая 1931 года могилу Гоголя вскрыли, и его останки перенесли на Новодевичье кладбище. Туда же была перенесена и «Голгофа» (памятник писателю).

Гоголь завершил свой писательский путь «Выбранными местами из переписки с друзьями» — христианской книгой. В июле 2009 году Патриарх Кирилл благословил выпуск в течение 2009 года полного собрания сочинений Николая Гоголя в Издательстве Московской Патриархии. Новое издание подготовлено на академическом уровне. В рабочую группу по подготовке полного собрания сочинений Н. В. Гоголя вошли как светские учёные, так и представители Русской Православной Церкви.



Титульный лист второго издания «Мёртвых душ». Эскиз Н. В. Гоголя

Наряду с сочинительством и интересом к театру с юных лет Гоголь был увлечён живописью. Об этом говорят его гимназические письма родителям. В гимназии Гоголь пробует себя как живописец, книжный график (рукописные журналы «Метеор литературы», «Навоз Парнасский») и театральным декоратором.

Уже по выходе из гимназии в Петербурге Гоголь продолжает занятия живописью в вечерних классах Академии художеств. Общение с К. П. Брюлловым, делает его страстным поклонником искусства. Картина последнего «Последний день Помпеи» посвящена статье в сборнике «Арабески». В этой статье, а также в других статьях сборника Гоголь отстаивает романтический взгляд на природу искусства. Образ художника, а также конфликт эстетического и морального начала станет центральным в его петербургских повестях «Невский проспект» и «Портрет», написанных в тех же 1833—1834 годах, что и его публицистические статьи. Статья Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» явилась выражением архитектурных пристрастий писателя.

В Европе Гоголь увлечённо изучает памятники архитектуры и скульптуры, живопись старых мастеров.

Из воспоминаний А. О. Смирновой (фрейлины русского императорского двора) «О жизни русского общества первой половины XIX века». «В Страсбургском соборе Николай Васильевич срисовывал карандашом на бумажке орнаменты над готическими колоннами, дивясь избирательности старинных мастеров, которые над каждой колонной делали отменные от других украшения. Я взглянула на его работу и удивилась, как он отчётливо и красиво срисовывал. — „Как вы хорошо рисуете!“ — сказала я. — „А вы этого и не знали?“ — отвечал Гоголь». На смену романтической приподнятости Гоголя приходит и известная трезвость (А. О. Смирнова) в оценке искусства: «Стройность во всем, вот что прекрасно».

Наиболее ценным художником для Гоголя становится Рафаэль. П. В. Анненков: «Под этими массами зелени итальянского дуба, платана, пины и пр. Гоголь, случалось, воодушевлялся как живописец (он, как известно, сам порядочно рисовал). Раз он сказал мне: „Если бы я был художник, я бы изобрел особенного рода пейзаж. Какие деревья и ландшафты теперь пишут!.. Я бы сцепил дерево с деревом, перепутал ветви, выбросил свет, где никто не ожидает его, вот какие пейзажи надо писать!“». В этом смысле в поэтичном изображении сада Плюшкина в «Мёртвых душах» явственно ощущается взгляд, метод и композиция Гоголя-живописца.

В 1837 году в Риме Гоголь познакомился с русскими художниками, пансионерами Императорской Академии Художеств: гравёром Фёдором Иорданом, автором большой гравюры с картины Рафаэля «Преображение», Александром Ивановым, который тогда трудился над картиной «Явление Мессии народу», Ф. А. Моллером и другими, приехавшими в Италию для совершенствования в своём искусстве. Особенно близки на чужбине были А. А. Иванов и Ф. И. Иордан, представлявшие вместе с Гоголем своеобразный триумvirат. С Александром Ивановым писателя свяжет многолетняя дружба. Художник становится прототипом героя обновлённого варианта повести «Портрет». В пору расцвета своих отношений с А. О. Смирновой Гоголь подарил ей акварель Иванова «Жених, выбирающий кольцо для невесты». Иордана он в шутку называл «Рафаэль первого манера» и рекомендовал его творчество всем своим знакомым. Фёдор Моллер написал в Риме в 1840 году портрет Гоголя. Кроме того, известны ещё семь портретов Гоголя, написанных Моллером.

Но более всего Гоголь ценил Иванова и его картину «Явление Мессии народу», он участвовал в создании концепции картины, принимал участие в качестве натурщика (фигура ближайшего к Христу), хлопотал, у

кого мог, о продлении для художника возможности спокойно и не торопясь работать над картиной, посвятил Иванову большую статью в «Выбранных местах из переписки с друзьями» «Исторический живописец Иванов». Гоголь способствовал обращению Иванова к написанию им жанровых акварелей и к изучению иконографии. Живописец пересмотрел соотношение высокого и комичного в своих картинах, в новых его работах появились черты юмора, ранее совершенно чуждые художнику. Ивановские акварели в свою очередь близки по жанру повести «Рим». С другой стороны Гоголь на несколько лет опередил начинания петербургской Академии художеств в области изучения древнерусской православной иконы. Наряду с А. А. Агиным и П. М. Боклевским Александр Иванов был одним из первых иллюстраторов произведений Гоголя.

В судьбе Иванова было много общего с судьбою самого Гоголя: над второю частью «Мёртвых душ» Гоголь работал так же медленно, как Иванов над своею картиною, обоих одинаково торопили со всех сторон с окончанием их работы, оба одинаково нуждались, не будучи в силах оторваться от любимого дела для постороннего заработка. И Гоголь имел в виду одинаково себя и Иванова, когда писал в своей статье: «Теперь все чувствуют нелепость упрека в медленности и лени такому художнику, который, как труженик, сидел всю жизнь свою над работою и позабыл даже, существует ли на свете какое-нибудь наслаждение, кроме работы. С производством этой картины связалось собственное душевное дело художника, — явление, слишком редкое в мире». С другой стороны, брат А. А. Иванова архитектор Сергей Иванов свидетельствует, что А. А. Иванов «никогда не был одних мыслей с Гоголем, он с ним внутренне никогда не соглашался, но в то же время никогда с ним и не спорил». Статья Гоголя тяготила художника, опережающие похвалы, преждевременная слава сковывали его и ставили в двусмысленное положение. Несмотря на личную симпатию и общность религиозного отношения к искусству, некогда неразлучные друзья, Гоголь и Иванов, к концу жизни несколько внутренне отдаляются несмотря на то, что переписка между ними не прекращается до последних дней.

В группе русских художников в Риме



Групповой дагерротип русских художников. Автор Сергей Левицкий. Рим, 1845, ателье Perrot

В 1845 году Сергей Левицкий приезжает в Рим и встречается с русскими художниками и с Гоголем. Используя проезд в Рим, вице-президента русской Академии художеств графа Фёдора Толстого, Левицкий уговорил Гоголя сняться на дагерротип вместе с колонией русских художников. Затея была связана с приездом в Рим из Санкт-Петербурга Николая I. Император лично посетил пансионеров Академии художеств. Более двадцати из них были вызваны в собор Святого Петра в Риме, куда после российско-итальянских переговоров прибыл Николай I в сопровождении вице-президента Академии графа Ф. П. Толстого. «Проходя от алтаря, Николай I обернулся, приветствовал лёгким наклоном головы и мгновенно окинул собравшихся своим быстрым, блестящим взглядом. „Художники Вашего величества“, — указал граф Толстой. „Говорят, гуляют шибко“, — заметил государь. „Но также и работают“, — ответил граф».

В благодарность за тёплые слова художники хотели приготовить Ф. П. Толстому невиданный для той поры подарок — групповой снимок. Собрались все на террасе мастерской французского дагерротиписта Перро. Левицкий описал впоследствии технику изготовления им пластинки, указал продолжительность выдержки, оценил качество снимка («центр группы вышел превосходно, края не совсем отчетливо»). И добавил: «Это мое первое произведение удивило всех художников».

Известный русский критик Владимир Стасов сказал об этом портрете: «Какой тут богатый материал: и архитекторы, и живописцы, и скульпторы, и всякие другие, и Рим, и Россия, и — Гоголь надо всем!!!» Писатель сидит в центре композиции, его окружают художники, архитекторы и скульпторы, на полу, внизу — натурщица-итальянка Мариучча. В этой живописно расположенной группе выделяется фигура Фёдора Моллера: художник, будучи высокого роста, стоит слева от Гоголя, облачённый в тёмный плащ, с широкополой шляпой на голове, отделён фигурой акварелиста Андрея Лавеццари.

Среди изображённых — архитекторы Фёдор Эппингер, Карл Бейне, Павел Нотбек, Ипполит Монигетти, скульпторы Пётр Ставассер, Николай Рамазанов, Михаил Шурупов, живописцы Пимен Орлов, Аполлон Мокрицкий, Михаил Михайлов, Василий Штернберг. Впервые дагерротип был опубликован критиком В. В. Стасовым в журнале «Древняя и Новая Россия» за 1879 год, № 12, который так описал изображённых:

«Взгляните на эти шляпы театральных „бригантов“, на плащи, будто бы необычайно картинные и величественные — какой неостроумный и неталантливый маскарад! А между тем, это всё-таки картина истинно историческая, потому что она искренно и верно передаёт целый уголок эпохи, целую главу из русской жизни, целую полосу людей, и жизней, и заблуждений». Из этой статьи известны имена сфотографированных и кто где находится. Так стараниями С. Л. Левицкого был создан единственный фотографический портрет великого писателя. Позже, в 1902 году, к 50-летию со дня смерти Гоголя, в студии другого выдающегося портретиста Карла Фишера, его изображение было выкадровано из этого группового снимка, переснято и увеличено.

В группе сфотографированных присутствует и сам Сергей Левицкий, — второй слева во втором ряду — без сюртука.

Влияние на современную культуру

Гоголь в музыке и кинематографе

Произведения Гоголя много раз экранизировались. Композиторы сочиняли оперы и балеты по его произведениям. Помимо этого, Гоголь сам становился героем фильмов и других художественных произведений.

Наиболее известны:

- фильм «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1961, восстановлен в 1970-м). Сценарий и постановка А. Роу по повести «Ночь перед Рождеством»;
- сериал «Н. В. Гоголь. Мёртвые души. Поэма» (1984). Автор сценария и режиссёр-постановщик М. Швейцер.

По мотивам романа «Вечера на хуторе близ Диканьки» компания Step Creative Group выпустила два квеста: «Вечера на хуторе близ Диканьки» (2005) и «Вечер накануне Ивана Купала» (2006). Первой игрой по повести Гоголя стала «Вий: История, рассказанная заново» (2004).

На Украине проводится ежегодный мультидисциплинарный фестиваль современного искусства Гогольfest, названный в честь писателя.

Память о Гоголе

Именем Николая Васильевича Гоголя названы улицы и учебные заведения во многих городах России и других стран.

В честь Гоголя выпущено несколько марок и памятных монет. Более 15 памятников писателю установлены в различных городах мира. Ему также посвящено несколько документальных и игровых фильмов.